

Богданов Александр

Праздник бессмертия

I

Тысяча лет прошла с того дня, как гениальный химик Фриде изобрел физиологический иммунитет, впрыскивание которого обновляло ткани организма и поддерживало в людях вечную цветущую молодость. Мечты средневековых алхимиков, философов, поэтов и королей осуществились... Городов - как в прежнее время - уже не существовало. Благодаря легкости и общедоступности воздушного сообщения люди не стеснялись расстоянием и расселились по Земле в роскошных виллах, утопающих в зелени и цветах. Спектротелефон каждой виллы соединял квартиры с театрами, газетными бюро и общественными учреждениями. Каждый у себя дома мог свободно наслаждаться пением артистов, видеть на зеркальном экране сцену, выслушивать речи ораторов, беседовать со знакомыми... На месте же городов сохранились коммунистические центры, где в громадных многоэтажных зданиях были сосредоточены магазины, школы, музеи и другие общественные учреждения. Земля превратилась в сплошной фруктовый лес. Специальные лесоводы занимались искусственным разведением дичи в особых парках... Не было недостатка

и в воде. Ее получали при посредстве электричества из соединений кислорода с водородом... Освежающие фонтаны били каскадом в тенистых парках. Серебрящиеся на солнце пруды со всевозможными породами рыб и симметричные каналы украшали Землю. На полюсах искусственные солнца из радия растопили льды, а по ночам над Землей поднимались электрические луны и разливали мягкий ласкающий свет. Одна только опасность грозила Земле - перенаселение, так как люди не умирали. И народное законодательное собрание одобрило предложенный правительством закон, по которому каждой женщине в продолжение своей бесконечной жизни на Земле разрешалось оставлять при себе не более тридцати человек детей. Родившиеся же сверх этого числа должны были по достижении пятисотлетней зрелости переселяться на другие планеты в геометрически закупоренных кораблях. Продолжительность человеческой жизни позволяла совершать очень далекие путешествия. И, помимо Земли, люди проникли на все ближайшие планеты Солнечной системы.

II

Встав утром с роскошной постели из тончайших платиновых проволок и алюминия, Фриде принял холодный душ, проделал обычные гимнастические упражнения, облачился в легкую термоткань, которая давала прохладу летом и согревала зимой, и позавтракал питательными химическими пластинками и экстрактом из переработанной древесины, напоминающим по вкусу бессарабское вино. Все это отняло около часа. Чтобы не терять даром времени, он совершая туалет - соединил микрофоном уборную комнату с газетным бюро и

выслушал новости мира. Радостное ощущение силы и здоровья переполнило все его тело, крепкое и стройное, как будто состоящее только из костей и мышц. Фриде вспомнил, что сегодня в двенадцать часов ночи исполняется ровно тысячелетие человеческого бессмертия... Тысяча лет!.. И невольно мысль его стала подводить итоги пережитого... В соседней комнате - библиотека собственных сочинений Фриде, около четырех тысяч томов книг, написанных им. Здесь же и его дневник, прерванный на восьмьсот пятидесятом году жизни, шестьдесят огромных фолиантов, написанных упрощенным силлабическим способом, напоминающим древнюю стенографию. Далее - за кабинетом - художественное ателье, рядом - скульптурная мастерская, еще далее - зал в стиле вариэнтюрн, сменившем декадентский, - здесь Фриде писал стихи, - и, наконец, симфонический зал с клавишными и струнными инструментами, на которых играл путем всевозможных механических приспособлений, достигая тем необычайной полноты и мощи звука. Вверху, над домом, была устроена физико-химическая лаборатория. Гениальность Фриде была разносторонняя и напоминала гениальность одного из его предков по матери - Бэкона, оказавшегося не только великим ученым, но и драматургом, произведения которого долгое время приписывались Шекспиру. В течение тысячелетия Фриде показал успехи почти во всех отраслях науки и искусства. От химии, где, как ему показалось, он исчерпал все силы и возможности своего ума, Фриде перешел к занятиям скульптурой. В течение восьмидесяти лет он был не менее великим скульптором, давшим миру много прекрасных вещей. От скульптуры он обратился к литературе: за сто лет написал

двести драм и до пятнадцати тысяч поэм и сонетов. Потом почувствовал влечение к живописи. Художником он оказался заурядным. Впрочем, техникой искусства он овладел в совершенстве, и, когда справлял пятидесятилетний юбилей, критики в один голос пророчили ему блестящую будущность. В качестве человека, подающего надежды, он проработал еще около пятидесяти лет и занялся музыкой: сочинил несколько опер, имевших некоторый успех. Так в разное время Фриде переходил к астрономии, механике, истории и, наконец, философии. После того он уже не знал, что делать... Все, чем жила современная культура, его блестящий ум впитал, как губка, - и он опять вернулся к химии. Занимаясь лабораторными опытами, он разрешил последнюю и единственную проблему, над которой долго билось человечество еще со времен Гельмгольца, - вопрос о самопроизвольном зарождении организмов и одухотворении мертвой материи. Более никаких проблем не оставалось. Работал Фриде по утрам. И из спальни отправился прямо наверх - в лабораторию. Подогревая на электрическом нагревателе колбы и наскоро пробегаая в уме давно известные формулы, которые не было надобности даже записывать, - он переживал странное чувство, все чаще посещавшее его за последнее время. Опыты не интересовали и не увлекали его. Давно во время занятий он уже не испытывал того радостного энтузиазма, который когда-то согревал душу, вдохновлял и переполнял всего его высшим счастьем. Мысли неохотно двигались по избитым, хорошо знакомым путям, сотни комбинаций приходили и уходили в повторяющихся и наскучивших сочетаниях. С томительным тягостным ощущением пустоты в душе он стоял и

думал: "Физически человек стал - как Бог... Он может господствовать над мирами и пространством. Но неужели человеческая мысль, о которой люди христианской эры говорили, что она беспредельна, - имеет свои границы? Неужели мозг, включающий только определенное количество нейронов, в состоянии произвести также только определенное количество идей, образов и чувств, - не более?.. Если это так, то... И ужас перед будущим охватывал Фриде. С чувством глубокого облегчения, чего никогда не бывало прежде во время занятий, он вздохнул, услышав знакомую мелодию автоматических часов, возвещающую о конце работы...

III

В два часа Фриде был в общественной столовой, которую посещал ежедневно только потому, что здесь встречайся с членами своего многочисленного потомства, большинства которых он даже и не знал. Он имел около пятидесяти человек детей, две тысячи внуков и несколько десятков тысяч правнуков и праправнуков. Потомством его, рассеянным в разных странах и даже в разных мирах, можно было бы заселить значительный город в древности. Фриде не питал к внукам и детям никаких родственных чувств, какие были присущи людям прошлого. Потомство было слишком многочисленно для того, чтобы сердце Фриде вместило в себя любовь к каждому из членов его семьи. И он любил всех той отвлеченной благородной любовью, которая напоминала любовь к человечеству вообще. В столовой ему были оказаны знаки публичного почтения и представлен совсем еще молодой человек, лет двухсот пятидесяти, - его правнук Марго, сде-

лавший большие успехи в астрономии. Марго только что возвратился из двадцатипятилетней отлучки; он был в экспедиции на планете Марс и теперь с увлечением рассказывал о путешествии. Жители Марса - мегалантропы - быстро восприняли все культурные завоевания Земли. Они хотели бы посетить своих учителей на Земле - но их громадный рост препятствует им осуществить это желание, и теперь они заняты вопросом о постройке больших воздушных кораблей. Фриде рассеянно слушал рассказ о флоре и фауне Марса, о каналах его, о циклопических постройках марсиан... И все, о чем с таким пылом говорил Марго, нисколько не трогало его. Триста лет тому назад он один из первых совершил полет на Марс и прожил там около семи лет... Потом он совершил еще раза два-три коротенькие прогулки туда же. Каждый уголок поверхности Марса знаком ему не хуже, чем на Земле. Чтобы не оскорблять все же правнука невниманием, он спросил: - Скажите, юный коллега, не встречали ли вы на Марсе моего старого приятеля Левиоиаха, и как он поживает? - Как же, встречал, наш уважаемый патриарх, - с живостью ответил Марго. Левиоиах занят теперь сооружением грандиозной башни, величиною с Эльбрус. - Так я и знал, так и знал, - загадочно улыбаясь, проговорил Фриде. - Я предсказывал, что в известном возрасте всех марсиан охватит страсть к большим сооружениям. Однако, юный коллега, до свидания... Мне надо спешить по одному важному деду. Желаю вам успеха.

IV

Маргарита Анч, цветущая женщина лет семисот пятидесяти, последняя жена Фриде, связью с которой он начиная

уже тяготиться, была президентшей кружка любителей философии. Еще за несколько верст до ее виллы Фриде фонограммой дал знать о своем приближении, Фриде и Анч жили отдельно, чтобы не стеснять самостоятельности друг друга. Анч встретила мужа в алькове тайн и чудес - изумительном павильоне, где все было залито мягким ультрахромолитовым цветом, восьмым в спектре, которого не знали древние люди с их неразвитым чувством зрения - подобно тому, как еще раньше дикари не знали зеленого цвета. Красивый шелковый туникон, - до колен, чтобы не стеснять движений, свободно и легко облегал ее стройные формы. Распущенные черные волосы волнистыми прядями упали на спину. И ароматом тонких и нежных духов веяло от нее. - Очень рада видеть тебя, милый Фриде, - сказала она, целуя мужа в большой и выпуклый, точно изваянный из мрамора лоб. - Ты мне нужен для одного важного дела... - Я это предчувствовал, когда ты в последний раз говорила со мной по телефоноскопу, - ответил Фриде. - Признаюсь, меня немного удивил тогда твой таинственный вид... Ну, в чем же дело? Почему такая экстренность? - Я хотела так, мой милый, - с кокетливой улыбкой сказала Анч. - Может быть, это каприз, но... иногда приходят желания, от которых трудно отказаться... Кстати, где мы встречаем сегодня ночью Праздник бессмертия? И сегодня же, если ты помнишь, исполняется ровно восемьдесят три года со времени заключения между нами брачного союза... "Однако..." - подумал про себя Фриде и с неохотой ответил: - Не знаю!.. Я еще не думал об этом. - Но, конечно, мы встречаем его вместе? - с легкой тревогой спросила Анч. - Ну, разумеется, - ответил Фриде. И от того, что неприятное чувство

разливалось внутри его, он поспешил заговорить о другом: - В чем же твое важное дело? - Сейчас сообщу, мой милый... Я хотела приготовить к новому тысячелетию сюрприз. Идея, с которой ты познакомишься, вот уже несколько десятков лет занимает меня и, наконец, только теперь вылилась в окончательную форму. - Гм-м... Что-нибудь из области иррационального прагматизма? - пошутил Фриде. - О, нет! - с грациозной улыбкой ответила Анч. - В таком случае, что-нибудь из области политики? - продолжал Фриде. Вы, женщины, в этом отношении всегда хотите идти впереди мужчин... Анч засмеялась. - Ты великолепный угадчик, милый. Да, я приступаю к организации общества для совершения гражданского переворота на Земле, и мне нужна твоя помощь... Ты должен быть союзником в распространении моих идей. Тебе - при твоём влиянии и связях в обществе - это очень легко сделать. - Все будет зависеть от характера твоих замыслов, - подумав, возразил Фриде. - Наперед я ничего не могу тебе обещать. Анч слегка нахмурила тонко очерченные брови и продолжала: - Идея моя заключается в том, чтобы уничтожить последние законодательные цепи, которыми люди еще связывают себя на Земле. Пусть каждый человек в отдельности осуществляет то, что в древности называлось государством, является автономным... Никто не смеет накладывать на него каких-либо уз. Центральной же власти должна принадлежать только организация хозяйства... - Но ведь по существу так в действительности и есть? - возразил Фриде. Скажи, чем и когда стесняется воля граждан? Анч вспыхнула и горячо заговорила: - А закон об ограничении деторождения женщин тридцатью членами семьи? Разве это не ограничение? Разве это не дикое

насилие над личностью женщины?.. Правда, вы, мужчины, не чувствуете на себе гнета этого закона. - Но ведь этот закон вытекает из экономической необходимости?.. - Тогда надо предоставить решение его не случайностям природы, а мудрому вмешательству сознания... Почему я должна отказаться от тридцать пятого сына, сорокового и так далее - и оставить на Земле тридцатого? Ведь мой сороковой сын может оказаться гением, тогда как тридцатый - жалкой посредственностью?.. Пусть на Земле остаются только сильные и выдающиеся, а слабые уходят с нее. Земля должна быть собранием гениев... Фриде холодно заметил: - Все это неосуществимые фантазии, которые к тому же не новы - были высказаны полтора века тому назад биологом Мадленом... Нельзя ломать порядки, которые являются наиболее мудрыми... Между прочим, должен сказать тебе, что женщины древней эпохи так не рассуждали. У них было то, что называется материнским состраданием: слабых и уродливых детей они любили более, чем сильных и красивых... Нет, я отказываюсь быть твоим союзником... Мало того, в качестве члена правительства, представителя "Совета Ста", я накладываю свое veto на твои действия... - Но ты - как гений - не должен бояться переворотов!.. - Да... Но как гений я предвижу весь тот ужас, который произойдет на Земле, когда вопрос о расселении будет решаться свободной волей граждан. Начнется такая борьба за обладание Землей, от которой погибнет человечество... Правда, человечество неминуемо погибнет и по другим причинам, замкнется в безвыходном круге однообразия, - закончил Фриде, как бы рассуждая сам с собою, - но зачем искусственно приближать роковой момент?.. Анч молчала. Она никак не

ожидала отказа. Потом, холодно повернувшись строгим классическим профилем к Фриде, сказала с обидой: - Делай, как знаешь!.. Вообще я замечаю, что в последнее время как будто чего-то недостает в наших отношениях... Не знаю, может быть, ты тяготишься ими... - Может быть, - сухо ответил Фриде. - Надо наперед свыкнуться с мыслью, что любовь на Земле не вечна... В течение моей жизни - ты восемнадцатая женщина, с которой я заключил брачный союз, - и девяносто вторая, которую я любил... - Ну, конечно!.. - сказала Анч, гневно закусив губы, и розовые пятна выступили на нежно-золотистой коже ее лица. - Но вы, мужья, почему-то требуете, чтоб женщина оставалась верна вам до конца, и почему-то только себе присваиваете право изменять ей первыми... Фриде пожал плечами: - Право сильнейшего, на котором ты только что строила свою теорию... Анч от возмущения вся задрожала, но искусно овладела собой и с гордым спокойствием заметила: - Итак, мы расстанемся... Ну, что же?.. Желаю вам успеха в вашей будущей жизни. - От души желаю и вам того же! - стараясь не замечать яда ее слов, ответил Фриде. Единственное чувство, которое он испытывал, было чувство тягостного томления... Тридцать один раз при объяснениях с женщинами пришлось ему слышать эти слова, с одним и тем же выражением в лице, голосе и глазах... "Как все это старо!.. И как надоело!.." - думал он, усаживаясь в изящный, похожий на игрушку, аэроплан...

V

Вечер Фриде провел на воздушном поплавке, на высоте пяти тысяч метров, в многочисленной компании молодежи,

собравшейся по случаю приезда Марго. Сидели за большим круглым вращающимся столом, верхняя крышка которого подкатывалась на воздушных рельсах, принося и унося цветы, фрукты и веселящий возбуждающий напиток, необычайно ароматный и приятный на вкус. Внизу феерическими ослепительными огнями блестела Земля. По сети гладко накатанных дорог катились автомобили спортсменов, позволявших себе иногда в виде редкого удовольствия этот старый способ передвижения. Электрические луны, разливая фосфорическое сияние, роняли мягкий голубой свет на сады, виллы, каналы и озера, - и издали в игре полусветов и полутеней Земля казалась затканною прозрачной серебряной сеткой. Молодежь с восхищением любовалась красотой открывающейся перед нами картины, особенно не видевший Земли двадцать пять лет Марго... Он повернул механический рычаг. И кресло, на котором он сидел, поднялось на стержне над столом, так что всем собравшимся стало видно говорящего: - Друзья!.. Предлагаю тост и гимн в честь Вселенной! - Великолепно!.. - радостно подхватили собравшиеся. - Тост и гимн! Во время пиршеств часто пели национальные гимны, составленные композиторами, патриархами семей. Поэтому вслед за первым предложением Марго сделал второе; - Друзья!.. Так как нашему столу оказана честь присутствием здесь нашего уважаемого патриарха Фриде, то предлагаю спеть его гимн "Бессмертный". И взгляды всех устремились на Фриде. Он сидел, погруженный в свои мысли, и - когда было произнесено его имя - склонил в знак согласия голову. Под аккомпанемент величественного симфониона стройные мужские и женские голоса завели гимн, написанный в звучных и смелых

мажорных тонах. Благословенна единая душа вселенной, разлитая и в песчинках, и в звездах, Благословенно всеведение, потому что оно является источником вечной жизни. Благословенно бессмертие, уподобившее людей богам!.. Торжественным хоралом плыли звуки, казавшиеся молитвенным вздохом самого неба, приблизившего к Земле свои загадочные и глубокие дали... Только Фриде сидел по-прежнему безучастный ко всему, что делается кругом... Когда гимн был окончен, взгляды всех опять устремились на него. И один из более близких к Фриде внуков, химик Линч, взял на себя смелость спросить: - Уважаемый патриарх! Что с вами? - Вы не принимаете участия в пении вашего любимого гимна! Фриде поднял голову... Сперва у него мелькнула мысль, что не следует омрачать веселья молодежи никакими сомнениями, но сейчас же на смену ей пришла другая: рано или поздно все неизбежно будут переживать то же самое, что и он. И Фриде сказал: - Этот гимн - величайшее заблуждение моего ума... Всеведение и бессмертие заслуживают не благословения, а проклятия... Да, будь они прокляты!.. Все удивленно повернулись к патриарху. Он сделал паузу, обвел присутствующих полным глубокой муки взглядом и продолжал: - Вечная жизнь есть невыносимая пытка... Все повторяется в мире, таков жестокий закон природы... Целые миры создаются из хаотической материи, загораются, потухают, сталкиваются с другими, обращаются в рассеянное состояние и снова создаются. И так без конца... Повторяются мысли, чувства, желания, поступки, и даже самая мысль о том, что все повторяется, приходит в голову, может быть, в тысячный раз... Это ужасно!" Фриде крепко сжал руками голову. Ему показалось,

что он сходит с ума... Кругом все были ошеломлены его словами. Через мгновение Фриде заговорил снова, громко и строго, точно вызывал кого на бой: - Какая великая трагедия человеческого бытия - получить силу Бога и превратиться в автомат, который с точностью часового механизма повторяет самого себя!.. Знать наперед - что делает марсианин Левионах или что скажет любимая женщина!.. Вечно живое тело и вечно мертвый дух, холодный и равнодушный, как потухшее солнце!.. Никто из слушателей не знал, что ответить. Только химик Линч, через некоторое время опомнившись от первого впечатления, произведенного на него речью, обратился к Фриде со словами: - Уважаемый учитель! Мне кажется, есть выход из этого положения. Что, если возродить частицы мозга, пересоздать самого себя, перевоплотиться!.. - Это не выход, - горько усмехнулся Фриде. - Если такое перевоплощение и возможно, то оно будет значить, что мое настоящее, сейчас существующее "я" со всеми моими мыслями, моими чувствами и желаниями исчезнет бесследно... Будет мыслить и чувствовать кто-то иной, незнакомый мне и чуждый. В древности люди слагали басни, что душа человека после его смерти входит в другое существо, забывая о своей прошлой жизни. Чем же будет отличаться мое обновленное и возрожденное состояние от прежних умираний и перевоплощений во времени, в которые верили дикари? Ничем... И стоило ли человечеству тратить гений на то, чтобы, достигши бессмертия, вернуться в конце концов к старой проблеме смерти?.. Фриде неожиданно оборвал речь, откатился в кресле на перрон площадки и, посылая прощальное приветствие, сказал: - Простите, друзья, что я вас покидаю... К прискорбию своему вижу,

что своею речью нарушил веселье вашего стола... И уже готовясь к тому, чтобы лететь на Землю, он с аэроплана крикнул: - Так или иначе, только смерть может положить конец страданиям духа!.. Этот загадочный возглас поразил всех и родил в душах смутные предчувствия какой-то надвигающейся беды... Марго, Линч, а за ними и прочие откатали свои кресла на перрон и долго встревоженными глазами следили, как в ночном просторе качался и плыл, сияя прозрачными голубыми огнями, аэроплан Фриде...

VI

Фриде решил покончить с собой самоубийством, но предстояло затруднение в выборе способа смерти. Современная ему медицина знала средства оживлять трупы и восстанавливать отдельные части человеческого тела. И все древние способы самоубийства - циан-кали, морфий, углерод, синильная кислота были непригодны... Можно было разбить себя на миллионы частиц взрывчатым веществом или взлететь на герметическом корабле вверх и обратиться в одного из спутников какой-нибудь планеты... Но Фриде решил прибегнуть к самосожжению и притом в его древней варварской форме, на костре, хотя техника его времени позволяла сжигать радием в одно мгновение громадные массы вещества. - Смерть на костре!.. По крайней мере, это будет красиво... Он написал завещание: "За тысячу лет существования я пришел к выводу, что вечная жизнь на Земле есть круг повторяемостей, особенно невыносимых для гения, самое существо которого ищет новизны. Это одна из антиномий природы. Разрешаю ее самоубийством". В алькове тайн и чудес он воздвиг костер.

Прикрепил себя цепями к чугунному столбу, около которого сложил горючие вещества. Окинул умственным взглядом то, что оставляет на Земле. Ни одного желания и ни одной привязанности! Страшное одиночество, о котором понятия не имели в древности, преследует его... Тогда - в прежнее время - были одиноки потому, что среди окружающих не находили ответа на искания духа. Теперь же одиночество - потому, что дух ничего более не ищет, не может искать, омертвел... Без сожалений Фриде покидал Землю. В последний раз вспомнил миф о Прометее и подумал: "Божественный Прометей добыл когда-то огонь и привел людей к бессмертию. Пусть же этот огонь даст бессмертным людям то, что предназначено им мудрой природой: умирание и обновление духа в вечно существующей материи". Ровно в полночь выстрелы сигнальных ракет возвестили о наступлении второй тысячелетней эры человеческого бессмертия. Фриде нажал электрическую кнопку, запалил зажигательный шнур, и костер вспыхнул. Страшная боль, о которой он сохранил смутные воспоминания из детства, искажила его лицо. Он судорожно рванулся, чтобы освободиться, и нечеловеческий вопль раздался в алькове... Но железные цепи держали крепко... А огненные языки извивались вокруг тела и шипели: - Все повторяется!..

1914 год